

Романтика
XIX Века

Ксения — скромная сирота из Москвы. Такие неприметные девушки редко выходят замуж. Однако Ксения становится супругой состоятельного петербуржца Ивана — неожиданно и для себя самой, и для его родни. О нем мечтали все красавицы высшего света. Но образ принца оказывается лишь маской, за которой прячется беспутный повеса и любитель азартных игр. Да и семья Ивана не жалуется невестку. Постоянные скандалы омрачают жизнь Ксении. Лишь забота и поддержка Ричарда, сводного брата мужа, скрашивают ее дни. Кем станет для нее этот мужчина?..

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6060-3

9 786171 260610

Вера Крыжановская
Голгофа женщины

Романтика
XIX Века

Вера Крыжановская

**Голгофа
женщины**

Luottamusta
XIX *Beke*

Вера Крыжановская

Голгофа женщины

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1.0
К85

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства Тим+

В оформлении обложки использована картина
Ивана Макарова «Портрет неизвестной»

ISBN 978-617-12-6123-5 (серия)
ISBN 978-617-12-6061-0

- © ТИМ+, художественное оформление, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА I

Стоял холодный и пасмурный сентябрьский день 190... года. Хотя и было еще только пять с половиной часов пополудни, сумерки уже сгустились над громадной столицей России. Мелкий частый дождь бил в лица прохожих, обильно смачивая мостовую и панели. Густой влажный туман поднимался над Невой, мощно катившей свои серые волны в русле, заключенном в гранитные набережные.

Во втором этаже большого и прекрасного дома на Английской набережной сидели в гостиной три дамы и маленькая шестилетняя девочка.

Одной из этих дам исполнилось уже семьдесят лет, но она была еще так бодрa и крепка, что ей нельзя было дать более пятидесяти. Эта худощавая женщина, одетая в черное платье, вышивала в пальцах гобелен, предназначенный для церкви. В этой работе ей помогала дочь, женщина лет пятидесяти, худая и суровая, как мать. На бледном желтоватом лице ее с резкими чертами — орлиным носом и тонкими губами — сохранялось злое и упрямое выражение.

Первую звали Марией Николаевной Антоновской. Она была вдова одного из высших сановников железнодорожной администрации. Дочь ее, Клеопатра Андреевна, тоже была вдова — генерала Герувиля.

Бледный полусвет, воцарившийся постепенно в гостиной, принудил обеих дам бросить вышивание, а третью, читавшую у окна роман Золя, закрыть книгу.

Одна только девочка продолжала шумно играть с большой прелестной куклой: она то катала ее в маленькой тележке, то расчесывала ей голову, беспощадно вырывая волосы.

— Меня начинает беспокоить молчание Жана: вот уж три недели, как он не пишет мне ни слова. Не заболел ли он? — сказала Клеопатра Андреевна, прерывая молчание.

— Болен? Полно вам, тетя, беспокоиться из-за пустяков! Вероятнее всего, он совершает разные глупости и поглощен какой-нибудь любовной интрижкой. Вы сами хорошо знаете, как он легко воспламеняется и как ленив на письма, — заметила молодая женщина, ранее читавшая у окна.

Это была довольно красивая двадцатипятилетняя особа, очень нарядная, кокетливая и весьма жеманная.

— Право, Юлия, меня очень удивляет, что ты так несправедлива к своему кузену. Жан не виноват в том, что он красив и женщины льнут к нему, как мухи к меду. Он слишком умен, чтобы думать о пустяках, когда дело идет о такой важной вещи, как брак с Никифоровой, имеющей более миллиона приданого, — тут же ответила ей бабушка со смешанным выражением гордости и недовольства в голосе.

— Тем более что Жан, слава Богу, пресыщен всевозможными любовными интригами. В конце концов, я думаю, он не хочет писать, пока дело не будет окончательно решено. Может быть, он сразу объявит нам о своем обручении, — прибавила Клеопатра Андреевна. — И если дело это устроится, в чем я, впрочем, не сомневаюсь, я воображаю, как мой бедный мальчик будет счастлив избавиться, наконец, от заботы брата. Опека Ричар-

да — вещь очень тяжелая: со своей буржуазной мелочной бережливостью он положительно может довести до отчаяния человека с утонченными чувствами.

— Это правда! Иногда он бывает возмутительно груб. Третьего дня у меня с ним была сцена, о которой я и сейчас не могу хладнокровно вспомнить! — воскликнула Юлия. Щеки ее пылали, а руки теребили и в конце концов бросили книгу на стол.

— Какими же любезностями он угостил тебя, если ты так волнуешься при одном воспоминании о них? — спросила Мария Николаевна.

— У меня была Иванова со своей маленькой Лизой, когда пришел Ричард и принес обещанную книгу. Чтобы объяснить дальнейшее, я должна прибавить, что на Ивановой, только что возвратившейся из-за границы, был великолепный костюм, а на Лизе красовалась парижская шляпа — верх совершенства. Вы сами знаете, как моя Анастаси развита не по летам и как с первого же взгляда она понимает все дорогое и изящное. Представьте себе, малышка отлично оценила шик и оригинальность шляпы Лизы и, как только Иванова уехала, стала умолять меня купить ей такую же. Сначала я отказала, поскольку у нее уже есть две шляпы. Тогда своевольная девочка стала плакать, топтать ногой и требовать шляпу, объявив, что изорвет в клочья обе другие. Видя возбуждение ребенка и боясь, как бы сильное раздражение не повредило ее нежному организму, я пообещала ей заказать такую же шляпу, как у Лизы. Ричард молча слушал наш разговор, а потом неожиданно сказал: «С вашей стороны, Юлия Павловна, очень опасно потакать таким расточительным вкусам дочери. Кто знает, что готовит ей будущее? Может

быть, ей предстоит скромная жизнь, многочисленные лишения и необходимость трудиться, так как у нее нет никакого состояния. Вы должны были бы с детства готовить ее к таким случайностям». Вы понимаете, бабушка, и вы, тетя, как я была возмущена таким любезным гороскопом...

— Ты должна была бы ответить ему, что она получит в наследство мои бриллианты и что с такой наружностью не доходят до лишений нищенской жизни. У Анастаси, конечно же, не будет недостатка в претендентах.

— Я именно это и высказала ему. Но эта глупая девочка, голова которой еще полна балетом «Сендрилиона», догадалась перебить меня, объявив, что хочет быть балетной танцовщицей — чтобы получать букеты и аплодисменты публики. Ричард не упустил такого удобного случая уколоть мое самолюбие. Он громко расхохотался: «Вот это будет вероятней, чем сделаться великосветской дамой. Во всяком случае, карьера танцовщицы вполне подходит к характеру и вкусам девочки, из которой вы готовы сделать настоящего демона тщеславия и кокетства».

— Какая грубость! И все это из-за того, что ребенку захотелось иметь шляпу, за которую, кстати, не ему придется платить, — с презрением вскричала генеральша Герувиль.

В эту минуту вошел лакей и подал ей на маленьком подносе телеграмму.

Клеопатра Андреевна обменялась многозначительным и самодовольным взглядом с матерью и племянницей и поспешно вскрыла депешу. Но едва она пробежала ее глазами, как бессильно откинулась на спинку кресла. С ней сделался такой сильный при-

падок удушья, что она не могла даже вскрикнуть. Лицо ее покрылось красными пятнами, и она так сильно замахала обеими руками, как будто отбивалась от целой дюжины нападающих.

— Господи Иисусе! Какое ужасное известие так страшно взволновало ее? Что такое случилось? — вскричали почти одновременно обе дамы, бросаясь к Клеопатре Андреевне, которая, казалось, умирала.

Наконец, после множества отчаянных усилий отдышаться и заговорить, генеральша вскричала хриплым голосом:

— Жан!.. Жан!..

— Жан умер?! — вскричала бабушка.

— Убит на дуэли?! — прибавила Юлия, падая в кресло.

В эту минуту Клеопатра Андреевна вскочила, подобно фурии и, потрясая кулаками, воскликнула пронзительным голосом:

— О! Если бы только умер!.. Он женился, слышите вы, женился на ничтожной девушке, на нищей... О, нет! Этого я не переживу! О, я не могу перенести этого!..

В истерике она стала бегать по гостиной, рвать на себе воротник и кружевную косынку... Затем бросилась на пол и стала биться головой о стену, испуская пронзительные крики, перемежаемые рыданиями, и с силой отталкивая мать и племянницу, которые сначала бегали за ней по всей комнате, а теперь старались удержать ее от покушения на самоубийство, внушенное Клеопатре Андреевне ее безмерным горем.

В гостиной царил невообразимый шум: маленькая Анастаси пронзительными рыданиями аккомпанировала крикам матери, тетки и бабушки.

В эту минуту на пороге гостиной появился мужчина лет тридцати пяти, который тут же удивленно остановился. При виде генеральши Герувиль, сидевшей на полу и бесновавшейся, подобно сумасшедшей, растрепанной Марии Николаевны и всей этой смешной и крайне комичной сцены им вдруг овладело неудержимое желание рассмеяться. Однако, подавив свою веселость, он громко спросил, стараясь перекрыть царивший в комнате шум:

— Что здесь творится? Вы больны, матушка, или случилось какое-нибудь несчастье?

Глаза всех обратились к двери, и три голоса одновременно вскричали с различными оттенками гнева и отчаяния:

— Жан женился!!!

— Но ведь он для этого и поехал в Москву! Я не понимаю, каким образом известие об этом могло вызвать подобную сцену.

— Да, он поехал в Москву, чтобы жениться на Никифоровой, у которой больше миллиона приданого, а не на нищей авантюристке, которая, Бог знает каким колдовством овладела им. Кто такая эта Ксения Торопова, на которой женился этот безмозглый дурак?! — вне себя вскричала Клеопатра Андреевна.

— Как можете вы, не узнав своей невестки, так осуждать и оскорблять ее? — неодобрительно промолвил молодой человек.

Он подошел к генеральше Герувиль, заставил ее подняться с пола и продолжал:

— Если Жан женился по любви, как вы можете упрекать его за это? Вместо того чтобы молиться за него в такую важную для него минуту и умолять Господа,

чтобы его молодая жена сделалась его добрым гением, вы почти проклинали его. Как вам не стыдно, матушка! И вы еще называете себя христианкой, бегаєте по церквам и не пропускаете ни одной воскресной обедни!

Темный румянец залил лицо Клеопатры Андреевны. Вскочив с кресла, на которое ее усадил пасынок, она гневно ответила ему хриплым голосом:

— Избавь меня, Ричард, от твоих смешных замечаний! У тебя карманы набиты золотом, поэтому ты можешь позволить себе любовную идилию; но для Жана судьба была злой мачехой, и он должен создать себе независимое положение. И когда я только подумаю, что такой человек, как он, так богато одаренный, прекрасный, как Антиной, как сам Гелиос, имевший право рассчитывать на самый блестящий союз, гибнет жертвой презренной интриганки, я готова умереть от горя...

Конвульсивные рыдания помешали ей говорить далее.

Ричарда, по-видимому, нисколько не тронули слезы мачехи. Насмешливая и презрительная улыбка блуждала на его губах, когда он ответил:

— По-вашему, человек, если он красив, должен продавать себя с аукционного торга. Я не стану оспаривать вашего мнения, но только замечу, что Жану двадцать семь лет и что он сам отвечает за свои поступки. Если же в только что заключенном браке и можно кого-нибудь пожалеть, так это бедную девушку, которая до того была ослеплена олимпийской красотой моего брата, что решила выйти за него замуж. Далекое не счастье быть женой Гелиоса, такого губителя женщин, как наш дон Жуан, который сверх всего прочего игрок и расточитель.

— Ах, Ричард Федорович! Если бы кто-нибудь из посторонних мог слышать те лестные вещи, коими вы наделяете ваших близких, он подумал бы, конечно, что ваше семейство состоит из негодяев, — с жизнью перебила молодого человека Юлия Павловна.

— Да, это совершенно в вашем духе: осыпать оскорблениями и клеветой своего брата и заступаться за неизвестную авантюристку, — прибавила, дрожа от гнева, Мария Николаевна.

Что же касается Клеопатры Андреевны, то она просто онемела от ярости.

Ричард не обратил никакого внимания на такие неодобрительные выражения. Он поднял телеграмму и прочел ее, бросив предварительно на девочку, собиравшуюся было прибавить что-то к тираде старших, взгляд, которого достаточно было, чтобы заставить ее замолчать. Затем, положив депешу на стол, он равнодушно сказал:

— Иван желает первое время жить на своей даче на Крестовском острове и просит вас приготовить все для приема его жены. Вам необходимо завтра же съездить туда, так как в вашем распоряжении слишком мало времени.

— Не желаешь ли ты предписать мне все подробности приема, какой я должна оказать этой негодяйке? — проговорила генеральша с пылающим взором.

— Нет, я предпочитаю отправиться обедать к Кюбá и не мешать вашим причитаниям. Имею честь кланяться, милостивые государыни! Надеюсь, что завтра увижу вас более спокойными.

И не дожидаясь ответа, молодой человек повернулся и вышел из гостиной.

Здесь мы считаем уместным дать читателю некоторые сведения о героях нашего рассказа.

Герувиль были потомками одного французского эмигранта, бежавшего во время революции и нашедшего убежище в России. Рыцарь Робёр де Герувиль был младшим членом семейства. Один из его родственников, женившийся и осевший в России, принял его и представил ко двору. Будучи очень красивым юношей и обладая тонким и предприимчивым умом, Робёр сумел проложить себе дорогу и приобрел покровителей среди сановников и дам, имевших влияние при дворе Екатерины II. За несколько оказанных услуг императрица щедро наградила его. Одним словом, он так хорошо акклиматизировался, что не пожелал вернуться во Францию во время Реставрации и основательно осел в России, к концу жизни окончательно обрусев.

Сын его Павел и внук Федор избрали военную карьеру и от своего французского происхождения сохранили только фамилию и католичество, которое исповедовал генерал Федор Герувиль, отец наших героев, Ричарда и Ивана.

Будучи еще капитаном, Федор, стоявший тогда с полком на Волыни, женился на дочери и единственной наследнице графа Х., богатого местного землевладельца. Брак этот не был счастливым. После пяти лет совместной жизни госпожа Герувиль умерла, оставив мужу трехлетнего сына Ричарда.

Опасаясь за будущее ребенка и зная расточительные вкусы и привычки мужа, молодая женщина незадолго до смерти приняла законные меры для охранения своего имущества и назначила одним из опекунов Ричарда своего отца. Такое оскорбительное недоверие

побудило в сердце Герувиля страшный гнев и отдалило отца от ребенка, хотя малыш вовсе не был ни в чем виноват. Поэтому родитель несколько не был против того, чтобы мальчик воспитывался у своего деда по материнской линии.

До самой смерти графа Х. Ричард жил у него в имении на Волыни. За это время его отец был переведен в гвардию полковником и женился во второй раз — на Клеопатре Андреевне, которая родила ему второго сына, Ивана, сделавшегося с первой же минуты появления на свет кумиром всего семейства.

Ричарду было девять, а Ивану два года, когда первенец вернулся под отцовский кров, где был принят очень холодно. Клеопатра Андреевна внешне добросовестно исполняла материнские обязанности по отношению к мальчику, но в глубине души завидовала пасынку, обладавшему большим состоянием. Кроме того, будучи православной, она ненавидела в нем католика и поляка, как она оскорбительно называла его в интимных беседах.

Ричард рос серьезным, молчаливым и малообщительным мальчиком. Он никогда не подавал виду, насколько ему тяжело было видеть, как по-разному относились к нему и к его брату — тиранившему весь дом испорченному и избалованному ребенку, недостатками которого все семейство восхищалось, как самыми драгоценными качествами.

Окончив блистательно курс наук, Ричард Герувиль поступил на службу в Министерство иностранных дел и скоро сделался камер-юнкером. Что же касается Ивана, тщеславного и испорченного лестью домашних, то он с помощью многочисленных репетиторов с грехом

пополам домучил курс в лицее. Однако же, несмотря на это, получил, благодаря связям отца, хорошо оплачиваемое место в Департаменте государственных имуществ.

В самый год этого назначения генерал Герувиль умер, оставив семью в тяжелом положении, поскольку, будучи до самой своей смерти расточителем, он растратил почти все состояние. Клеопатра Андреевна после этого должна была бы вести крайне скромную жизнь, что стеснило бы ее вкусы, если бы ей великодушно не помогал пасынок.

Так, он оставил в распоряжении мачехи прекрасную квартиру в своем доме на Английской набережной, где жил его отец по выходе в отставку. Здесь же поселились Иван и мать Клеопатры Андреевны, госпожа Антоновская.

Так как Ричард занимал в нижнем этаже этого же дома изящную холостяцкую квартиру, то он выразил желание обедать у мачехи, а того, что он платил за обеды, почти хватало на стол для всего семейства, полтора года назад увеличившегося после приезда Юлии Павловны с дочерью.

Юлия Павловна была дочерью младшей сестры Клеопатры Андреевны, уже давно умершей. Несмотря на красоту и кокетство, Юлии Павловне не удалось составить себе блестящей партии, и она вышла замуж за биржевого маклера, носившего фамилию Гольцман.

Гольцман, оказавшийся замешанным в каких-то подозрительных спекуляциях и странном банкротстве одного банка, счел за лучшее бежать от недоброжелательных взглядов правосудия. В один прекрасный день он исчез, бросив жену и дочь, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу.

Юлия Павловна, оставшаяся буквально на улице, нашла убежище у своей тетки. Жалобы последней на бремя, наложенное на нее содержанием целого семейства, которое так неожиданно свалилось ей на шею, до такой степени надоели Ричарду, что он согласился принять на свой счет все расходы по содержанию кухни и ее дочери.

Вопреки такому великодушному поведению, все семейство ненавидело Ричарда, а его скупость признавалась дамами как аксиома. Молодой человек знал это, но мало обращал внимание на мнение родственников. В глубине души он презирал этих трех женщин — мелочных, неблагодарных, фривольных и злых. Брата Ивана он тоже не уважал, не одобряя его распущенную жизнь и бессовестный эгоизм. Тем не менее, и для него Ричард был хорошим братом, помогая в трудные минуты и тайно оплачивая долги, вследствие чего между молодыми людьми установились самые лучшие отношения.

В последнее время недоброжелательство трех женщин по отношению к Ричарду еще более увеличилось из-за наследства, доставшегося недавно молодому человеку после смерти одного родственника с материнской стороны. Это обстоятельство, по мнению Клеопатры Андреевны, должно было окончательно ополечить его.

Таково было положение дел в тот день, с которого начался наш рассказ.

Возвратившись из ресторана, где он обедал, Ричард нашел дома письмо от брата, в котором последний, не вдаваясь в подробности, все же объяснял свой поступок.

Иван писал, что Никифорова разочаровала его. Она была некрасива, вульгарна и глупа. Только по настоянию матери он стал ухаживать за этой дурой, не зная, как ему избавиться от обязательства в отношении своего семейства. Но Никифорова сама вывела его из затруднения. Она была настолько ослеплена княжеским титулом одного черкесского кавалера и его роскошной бородой, что наградила того своими миллионами и своей далеко не грациозной особой. Иван же познакомился с одной милой девушкой, которая до такой степени овладела его сердцем, что он решил на ней жениться. Все свершилось так быстро, что Иван венчался в тот же день, что и его экс-невеста Никифорова. О Ксении Тороповой Иван писал очень мало. Он упоминал только, что ей восемнадцать лет и что она сирота, не имеющая никакого состояния и воспитанная каким-то родственником.

Молодой человек знал, какой страшный гнев вызовет у матери неожиданный брак и с какой недоброжелательностью отнесутся родные к его жене, но все это нисколько не трогало его. Напротив, разрушение великих надежд матери и бабушки забавляло его и вызывало в нем чувство злобного самодовольства. Иван не был способен принести себя в жертву ради блага семейства и в своем безмерном эгоизме удовлетворял только личные вкусы и собственные фантазии.

Прочтя письмо брата, Ричард облокотился о бюро и задумался. Новая невестка внушала ему искреннюю симпатию и даже жалость. Что Иван женился на ней больше из досады, чем по любви, — было очень вероятно. Одно то, что он обвенчался одновременно с Никифоровой, выдавало его досаду и злость на изменившую

ему богатую невесту. Желал ли он уколоть или оскорбить дерзкую миллионершу, осмелившуюся предпочесть ему какого-то горского князя, — это было трудно сказать, ведь Ричарду не были известны подробности интриги, разыгравшейся в Москве. Во всяком случае, Ксении выпала незавидная роль. Без сомнения, молодая девушка считает себя любимой и не подозревает, какая ненависть и презрение ожидают ее в семействе мужа. Не было ни малейшего сомнения, что Клеопатра Андреевна не постесняется приготовить ей какой-нибудь особенно оскорбительный прием. Со стороны же Ивана было крайне странно и не деликатно поселить жену за городом глубокой осенью, когда все дачи в окрестностях Петербурга давно пустуют.

— Очень интересно посмотреть, как вся эта история уладится, — пробормотал Ричард себе под нос, пряча письмо в бюро. — Молодые приедут послезавтра. После службы я съезжу к ним, и если молодая женщина действительно окажется наивной жертвой моего неотразимого братца, я постараюсь защитить ее от чрезмерного недоброжелательства Клеопатры Андреевны и грубой беззастенчивости Ивана.

ГЛАВА II

На одной из наименее посещаемых улиц Крестовского острова стояла небольшая дача, окруженная обширным садом. Дача была деревянная, одноэтажная и ничем не отличалась от многочисленных соседних зданий, предназначенных для дачной жизни столичных обывателей, желавших подышать более чистым воздухом, не слишком удаляясь от города, к которому их привязывали служебные занятия.

Эта маленькая дача принадлежала Ивану Герувиллю и была подарена ему Ричардом — подарок полезный и приятный, так как он давал молодому человеку убежище, где тот мог укрыться от навязчивой заботливости своей семьи, которая иногда невыразимо надоедала ему.

Здесь он мог давать шумные банкеты, не опасаясь выговоров и неуместного любопытства, принимать любовниц и жить сообразно своим вкусам вдали от всякого нескромного взора.

Клеопатра Андреевна, хоть и со скрытым неудовольствием, меблировала дачу с достаточным изяществом и вкусом, поэтому ее кумир мог, не краснея, принимать там дам.

На другой день по получении известия о браке Ивана, вызвавшем такое отчаяние всей семьи, маленький домик на Крестовском острове имел особенно печальный и заброшенный вид. Входные двери были широко раскрыты. На ступенях лестницы валялась

солома, сено и клочки бумаги. На окнах не было занавесок, и внутри все казалось пустым и голым.

Было восемь часов утра. Погода стояла холодная и сырая, хотя дождя пока не было.

У входа стояли два человека. Один из них, в шерстяной красной вязаной фуфайке и с метлой в руках, был Яков, дворник и сторож дома, другого звали Иосиф. Он был лакеем Ивана; последний не взял его с собой в Москву, но теперь известил телеграммой, чтоб Иосиф ждал его на даче.

— Вот так история! Хороший прием для новобрачной, нечего сказать! И воображаю же я себе гнев Ивана Федоровича, когда он увидит, что дом пуст. Надо думать, хорошую сцену он устроил своей матушке! — с громким смехом сказал дворник.

Лакей пожал плечами.

— Что он взбесится — это верно, но уж не посмеет много возмущаться. Вся мебель принадлежит Клеопатре Андреевне. Она дала ее — и она же берет. На это она имеет полное право. Клеопатра Андреевна страшно раздражена, и пусть он остерегается даже приближаться к ней.

— Да из-за чего ж она так бесится? Разве невестка неподходящая?

— Черт ее знает, кто она такая! Все сладилось так быстро, что никто ничего и не знал до той самой минуты, когда пришла телеграмма с известием, что Иван Федорович обвенчался. Великий Боже! Что только произошло тогда, Яков, я просто не могу тебе рассказать! Сначала думали, что Клеопатра Андреевна сойдет с ума. Крики, истерика, судороги продолжались всю ночь, и никто в доме не сомкнул глаз. На-

конец, она уснула и спала до пяти часов вечера. Но как только встала, тут же развила необыкновенную деятельность. Я получил приказание ехать с Дуней на Крестовский. Всю ночь мы провели за укладкой, так что, когда в шесть с половиной часов утра приехали ломовые, оставалось только уложить все на возы.

— Но как это она забыла взять кровать, ночной столик, кресло да часы? — спросил дворник.

— Ха! Ха! Ха! Она-то забыла? Нет, она оставила эти вещи потому, что они принадлежат Ивану Федоровичу. Ты еще не видел, Яков, как она убрала стены гостиной, пока ты помогал ломовым извозчикам выносить вещи. Она развесила на них все фотографии, какие нашла в ящиках бюро, и все любовные письма и записки, полученные Иваном Федоровичем от разных дам. Те тоже, надо полагать, останутся очень довольны такой выставкой своих писем. Но смотри: вон едет карета! Неужели это уже наши господа приехали?

Наемная карета действительно остановилась перед дачей. Дворник поспешил открыть дверцу. Но вместо ожидаемых господ из кареты вышла молодая девушка, одетая в драповый жакет, с кружевной косынкой на голове. Карета была набита саками да картонками; все переднее сиденье было занято большой корзиной, обшитой клеенкой. На козлах, рядом с кучером, стоял большой сундук.

— Это дом господина Герувиля? — спросила приехавшая девушка.

— Да, да! Вы, вероятно, камеристка молодой госпожи? — ответил Иосиф, любезно помогая молодой девушке вынимать из кареты картонки.

— Вы угадали: я — камеристка, Дарья, — сказала девушка и с кокетством прибавила: — Антиповна... А вы, вероятно, Иосиф, камердинер барина? Будьте добры, прикажите внести вещи в гардеробную. Барыня приедет в одиннадцать часов, и я должна все приготовить к ее приезду.

Пока Дарья расплачивалась с кучером, Яков с Иосифом внесли все вещи в первую комнату. Они ставили у стены последнюю картонку, когда вошла камеристка и, пораженная, остановилась на пороге.

— Боже мой! Да здесь все пусто... Нет ни одного стула... Я перепачкаю все свои юбки в такой конюшне!

И Дарья с отвращением подняла свои юбки с тем ловким расчетом, чтобы показать полосатые чулки и кожаные башмаки с высокими каблуками.

— Боже! Что за княжеские ножки у вас! Понятно, они сотворены не для того, чтобы ходить по такой грязи! — вскричал Иосиф, бывший большим любителем прекрасного пола. — Позвольте мне проводить вас в мою комнату. Там вы снимете свой жакет и откусаете чашку кофию.

— Охотно, — с любезной улыбкой ответила Дарья, проходя на цыпочках через гостиную.

Видя, что следующая комната была так же пуста и грязна, а в третьей, дверь которой была широко открыта, ничего не было, кроме кровати без подушек и одеяла, ночного столика да кожаного кресла, опрокинутого вверх ножками, девица снова остановилась и вскричала, всплеснув руками:

— Нет, это просто неслыханно! Где же барыня будет спать? Где же она сядет? Здесь нет ни одного стула, ни одного стола... Где же я буду разбирать вещи?..

Не понимаю, как барину могло прийти в голову везти сюда свою молодую жену! Послушать его, так здесь ждало ее очень комфортабельное помещение!

— Оно и было таким еще вчера, но сегодня утром матушка Ивана Федоровича все увезла отсюда. Это целая история! Если хотите, я расскажу вам. Но пойдете — у меня ничего не взято.

Иосиф провел камеристку по длинному коридору и открыл в конце его дверь, ведущую в довольно большую комнату, вид которой составлял приятный контраст с опустошенной дачей. На окнах висели белые перкалевые занавески, усеянные розами; чехлы из той же материи закрывали кресло и маленькую кушетку, стоявшую у стены. У противоположной стены стояла кровать, покрытая пикейным одеялом, и большой комод, служивший в то же время туалетом: на вышитом полотенце стояли зеркало, бутылочка одеколona и коробка рисовой пудры, лежали гребешки и щетки. Все эти вещи своим изяществом указывали на то, что раньше они служили барину. Меблировку комнаты довершали небольшой шкаф, стол, три соломенных стула и несколько олеографий.

— У вас здесь очень мило! По сравнению с тем пустым сараем — это настоящий дворец, — объявила Дарья.

Она сняла жакет и, достав из картонки передник, отделанный маленькими гофрированными воланами, и миленький белый чепчик, стала надевать их перед зеркалом. Она вроде бы готовилась к встрече своей барыни, но в действительности хотела ослепить Иосифа, который очень понравился ей и чью любезность она начинала все более и более ценить.

— Душитесь, душитесь, Дарья Антиповна, а я пока все приготовлю, — сказал Иосиф.

С этими словами он ловко вытащил из-под кровати большую корзину, в которой оказались самовар, никелевый кофейник, хлебница, сахарница, чашки и множество других вещей, которые невозможно было сразу разглядеть.

— Все это я спас от старой мегеры, — объявил он, ставя на стол кофейник и две чашки. — Сейчас мы напьемся кофею. Я только схожу за печеньем.

— Давайте я приготовлю кофе! Я умею прекрасно варить его.

— Отлично! Вот спиртовка, спички, а кофий... гм, кофе, — поправился Иосиф, — там, в жестянке.

Слуга взял шляпу и вышел. Когда он вернулся, кофе уже кипел на элегантной машинке, и комнату наполнял приятный аромат.

— Позвольте мне, Дарья Антиповна, поздравить вас с приездом и предложить вам эти цветы. Пусть они предвещают вам веселую жизнь в этом доме! — сказал Иосиф, подавая с ловким поклоном букет из астр и георгин, который он, очевидно, только что нарвал в саду.

Слегка смущенная Дарья сделала реверанс, поблагодарила Иосифа и, для поддержания собственного достоинства, стала разливать кофе. Минуту спустя они мирно беседовали за чашкой чудного напитка. На столе кроме сухарей красовались великолепные ванильные бисквиты, тоже спасенные от разгрома.

Иосиф подробно рассказал про скандал, вызванный женитьбой его барина. Затем, он в свою очередь, осведомился, какова из себя молодая, как велико ее

состояние и при каких обстоятельствах состоялся этот брак.

— Я не знаю всех подробностей, так как поступила в услужение к барышне Ксении Александровне всего за неделю до ее свадьбы по рекомендации моей тетки. Она служит кухаркой у старого родственника барыни, который воспитал ее. Но я могу сказать по совести, что барыня очень красива и, по-видимому, очень добра. Насколько мне известно, у нее нет никакого состояния и она круглая сирота... Боже мой! Это господа приехали! — вскричала Дарья, вскакивая со стула и бросаясь в коридор.

Иосиф последовал за ней.

Приближаясь к гостиной, они услышали грубоватый голос Якова и другой, звучный и раздраженный, звавший лакея.

На пороге пустой гостиной стоял высокий молодой человек лет двадцати семи, очень смуглый, с правильными чертами лица. Иван Герувиль был действительно очень красив, но в эту минуту его делали безобразным гнев и крайнее удивление. Лицо его было красно, большие черные глаза будто стремились из орбит. Рукой, затянутой в перчатку, он потрясал тростью с золотым набалдашником, причем его жесты ясно показывали, что он ищет, на кого бы обрушить свой гнев.

За ним, настолько же бледная, насколько он был красен, стояла молодая женщина среднего роста, одетая в дорожный костюм из зеленого драпа. Большая шляпа а-ля Рембрандт красовалась на ее голове, русые волосы вились на лбу, а большие серые глаза с ужасом блуждали по пустой грязной комнате.

— Что это значит?! Куда девалась мебель?! Мой дом разграбили, а ты даже не позаботился уведомить меня об этом! — крикнул Иван Федорович, как только появился Иосиф в сопровождении Дарьи.

Лакей с первого же взгляда понял, что все бешенство барина обрушится на его бедную голову, если он быстро не отошьет его от себя.

— Никто ничего не грабил, барин! Это ваша матушка приехала сюда вчера вечером и все уложила, а сегодня утром увезла мебель и остальные вещи. Она сказала мне, что действует так по вашему приказанию; мне же сказала дожидаться вас здесь. Я предполагал, что мне придется сопровождать вас в гостиницу, — ответил Иосиф.

Иван Федорович не перебивал его. При имени матери румянец его сменился страшной бледностью. Опустив голову и нервно кусая губы, он, казалось, больше не слушал Иосифа.

Вдруг он повернулся к жене и сказал:

— Здесь произошло какое-то глупое недоразумение, но я сейчас устрою это. Подожди меня, дорогая, здесь; я скоро вернусь.

И без всяких дальнейших объяснений он почти выбежал из дома и вскочил в карету. Мгновение спустя послышался грохот уезжавшего экипажа.

С минуту Ксения Александровна стояла, как изваяние, не зная, что ей делать. Затем она нерешительно подошла к окну и села на подоконник. У нее кружилась голова. Она бессознательно отложила в сторону небольшой плюшевый сак и провела по глазам слегка дрожавшей рукой.

Смущенные и расстроенные Иосиф и Дарья стояли в стороне, не смея приблизиться. Немного подумав, они тихо вышли из комнаты и оставили дверь открытой, чтобы слышать, если их позовут. Что же касается Якова, то он уже давно ушел.

Прошло более полутора часов, а Иван Федорович все еще не возвращался. В доме царила мертвая тишина. Даже слуги, чувствуя напряженность обстановки, говорили вполголоса.

— Нет, так поступать нельзя! Теперь я вижу, что барин не любит свою жену, — пробормотала, наконец, Дарья. — Разве оставляют человека, которого любят и жалеют, в такой конюшне, где даже нет стула, чтобы присесть!

— Действительно, он мог бы ее отвезти пока в гостиницу. Я, положительно, не понимаю, что такое случилось с ним? Никогда ни с одной из своих любовниц он не был так нелюбезен, — так же тихо ответил Иосиф.

— Сегодня так холодно, что бедная барыня, должно быть, просто замерзла. Вам надо бы затопить печку, а я, наверное, сниму с барыни шляпу, — сказала Дарья после некоторого молчания.

— Это правда! Я сейчас затоплю в маленькой комнатке с балконом, а потом принесу из спальни кресло. Это все-таки будет удобнее, чем сидеть на подоконнике.

И камердинер, охваченный внезапным усердием, побежал за дровами.

Скоро в печке уже пылал яркий огонь, а кресло Иосиф поставил прямо перед нею. Когда все это было сделано, Дарья вошла в гостиную, где Ксения Алексан-

дровна по-прежнему сидела на окне все в той же позе, в какой они ее оставили.

— Позвольте, барыня, снять с вас шляпу и перчатки, — робко сказала камеристка.

Молодая женщина вздрогнула и выпрямилась, точно ее разбудили от глубокого сна, но ничего не ответила, хоть и не протестовала, когда Дарья вытащила длинные шпильки, придерживавшие шляпу, и сняла с ее задевших рук перчатки. Так же машинально она встала и прошла в соседнюю комнату, где весело потрескивали в печке дрова. Вдруг ее взгляд, равнодушно блуждавший по бессовестно оголенной комнате, остановился на письмах и фотографических карточках, развешанных на стене. Ксения Александровна остановилась; после минутного колебания подошла к стене и стала рассматривать оригинальную коллекцию. Темный румянец разлился по ее лицу, но почти тотчас же сменился смертельной бледностью. Быстро отвернувшись, молодая женщина прошла в смежную комнату и села в кресло.

Дарья укутала барыню большой шалью, а ноги ее закрыла пледом. Потом она предложила ей выпить чашку горячего кофе или чаю, но Ксения Александровна отказалась и объявила, что она не голодна.

В душе молодой женщины бушевала буря, и только гордость и присутствие слуг дали ей силы сдерживать слезы, которые горячим потоком подступали к ее горлу. Гнев и негодование, точно клещами, сжимали ее сердце.

Ксения Александровна откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза.

Мало-помалу возбуждение молодой женщины сменилось невыразимой горечью, глубоким отчаянием и убеждением, что она сделала непоправимую ошибку,

добровольно осудив себя на ужасное будущее, которое стояло сейчас перед ее мысленным взором подобно мрачному кошмару. Ее сердце сдавили страшная тоска и страх полного одиночества. Как в калейдоскопе, проходила перед ней ее прошлая жизнь, уже испытанная несчастьями.

Ксении было всего семь лет, когда она лишилась отца и матери: родители умерли от дифтерита. Одна старая небогатая родственница взяла к себе осиротевшего ребенка, но от нее девочка видела мало хорошего, и годы, проведенные у нее, были самыми тяжелыми в жизни Ксении. После смерти этой родственницы сиротка снова осталась без крова. Опекун уже хотел отдать ее в какой-то приют, как вдруг неожиданно явился старший кузен ее отца и объявил, что берет к себе девочку в качестве приемной дочери.

С этого дня для Ксении наконец-то началась спокойная жизнь в уединенном, но комфортабельном доме ее нового покровителя. Леону Леоновичу Рудакову было около шестидесяти лет. Это был мрачный и малообщительный человек, прошлое которого было окружено какой-то тайной. В ранней молодости он служил военным, но потом неожиданно вышел в отставку по неизвестной никому причине, продал свое прекрасное имение близ Москвы и уехал в путешествие, продолжавшееся около двадцати лет. Вернувшись так же неожиданно, как и уехал, Рудаков поселился на окраине столицы и стал вести жизнь затворника, никуда не выезжая и почти никого не принимая у себя. Никто не знал, где он жил в свое долгое отсутствие и чем занимался; никому также не было известно, как велико его состояние. Он жил просто, но комфортно, занимал-

ся астрономией и химией, покупал массу книг и инструментов — вот все, что знали о нем.

Леон Леонович случайно узнал о судьбе Ксении, отца которой знал еще юношей, и тотчас же объявил, что берет на себя заботу о ее будущем. Привязался ли он к девочке за то долгое время, что она прожила под его кровлей, — этого не знал никто, даже сама Ксения. Приемный отец был добр, но никогда не выказывал к ней нежности. Зато он внимательно следил за ее воспитанием, не позволяя ей, однако, посещать общественные учебные заведения. Уроки ей давали профессора и пожилая гувернантка-немка, ходившая за нею до самого дня ее замужества.

Ксения росла в этой строгой, печальной и уединенной обстановке, не зная света и его безумств, и из нее вышла умная, серьезная и по натуре энергичная девушка.

С Иваном Федоровичем Ксения познакомилась случайно — у одного старого друга приемного отца, у которого они иногда бывали вдвоем и который был близким родственником той самой Никифоровой, пресловутой невесты молодого Герувиля.

Анна Михайловна Никифорова была достойной представительницей современного общества. Довольно красивая, но вульгарная, без всяких принципов, бессовестная кокетка, она смотрела на брак как на простую формальность, необходимую для приобретения полной свободы.

К странной затворнице, Ксении Александровне, она питала глубокое презрение. Ее строгие принципы и безукоризненную честность она считала отжившими принципами и предсказывала ей, что с ее смеш-

ными убеждениями девушка будет очень несчастна в жизни и, конечно, останется старой девой.

Иван Федорович очень нравился Анне Михайловне, но по его состоянию и общественному положению она не считала его вполне достойным трех миллионов, какие она должна была внести в супружескую жизнь. Тем не менее она поощряла его ухаживание, кокетничала с ним и была увлечена, что, впрочем, не помешало ей принять предложение черкесского князя.

С титулом княгини можно было играть гораздо большую роль в свете, чем в качестве простой госпожи Герувиль. Но поскольку после свадьбы Анна Михайловна предполагала жить в Петербурге, то ничто, как она рассчитывала, не помешало бы ей быть счастливою с очаровательным Иваном Федоровичем и без стеснительных уз, налагаемых церковью. Что она заведет себе любовника и что любовник этот будет блистать в свете — это была вещь бесповоротно решенная. Одного только не предусмотрела Анна Михайловна: что Иван Федорович так близко к сердцу примет свою неудачу и что он немедленно же отомстит ей и даст понять, что коль уж она не пожелала сделать его своим мужем, то и он не хочет иметь ее своей любовницей. Прежде даже, чем было объявлено о ее обручении с князем, Иван Федорович отвернулся от нее и все внимание перенес на Ксению.

На последнюю красивый и любезный Герувиль произвел глубокое впечатление, однако Ксения Александровна была слишком чиста и скромна, чтобы стараться понравиться ему или пытаться увлечь его, тем более что была убеждена, что ему нравится Анна.

Посещая очень редко Никифоровых, Ксения и не подозревала, какие интриги разыгрываются вокруг нее, и ее наивное сердце было полно невыразимого счастья, когда Иван Федорович говорил о своей любви к ней. Очевидно, он любил ее. Могла ли она сомневаться в этом, когда он сделал ей предложение? Ведь не выбирают же в подруги жизни существо, к которому равнодушны! К тому же она была бедна, следовательно, здесь не мог быть замешан никакой интерес.

Поэтому Ксения, с доверием и любовью, с сердцем, полным признательности и надежды на счастье, приняла предложение Ивана Федоровича и согласилась, по его настоянию, обвенчаться через три недели. Жених объяснил, что только желание родных побуждало его ухаживать за Анной Михайловной, но как только он увидел Ксению, решил, что именно она, и никто другая, будет его женой. Молодой человек прибавил, что во избежание лишних переговоров с бабушкой и старшим братом, которые были немного алчны, он напишет им только после свадьбы. Что же касается его матери, самой лучшей и любящей из женщин, то она примет ее с распростертыми объятиями. Ксения поверила его словам и обещала употребить все усилия, чтобы завоевать сердце будущей свекрови.

Леон Леонович был гораздо менее доволен выбором своей приемной дочери и сделал ей несколько серьезных замечаний относительно неосторожности вступать в брак с человеком, которого она так мало знает и чье прошлое ей совершенно не известно. Но молодая девушка любила, а любовь, как известно, слепа. Поэтому она умоляла своего покровителя не препятствовать ее счастью.

Літературно-художнє видання
Серія «Великі романістки XIX століття»

КРИЖАНОВСЬКА Віра

Голгофа жінки

(російською мовою)

Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*

Редактор *Н. С. Виногорова*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *В. В. Бутенко*

Підписано до друку 21.01.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

Серия «Великие романистки XIX века»

КРЫЖАНОВСКАЯ Вера

Голгофа женщины

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*

Редактор *Н. С. Виногорова*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *В. В. Бутенко*

Подписано в печать 21.01.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Ксенія — скромна сирота з Москви. Такі непримітні дівчата рідко виходять заміж. Однак Ксенія стає дружиною заможного петербуржця Івана — несподівано і для себе самої, й для його рідні. Про нього мріяли всі красуні вищого світу. Але образ принца виявився лише маскою, за якою ховається безпутний гульвіса і любитель азартних ігор. Та й Іванова родина не надто прихильна до невістки. Постійні скандали отруюють життя Ксенії. Лише дружня турбота Річарда, зведеного брата чоловіка, підтримує її. Ким стане для неї цей чоловік?

Крыжановская В.

К85 Голгофа женщины : роман / Вера Крыжановская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с. — (Серия «Великие романистки XIX века», ISBN 978-617-12-6123-5)

ISBN 978-617-12-6061-0

Ксенія — скромная сирота из Москвы. Такие неприметные девушки редко выходят замуж. Однако Ксенія становится супругой состоятельного петербуржца Ивана — неожиданно и для себя самой, и для его родни. О нем мечтали все красавицы высшего света. Но образ принца оказывается лишь маской, за которой прячется безпутный повеса и любитель азартных игр. Да и семья Ивана не жалует невестку. Постоянные скандалы омрачают жизнь Ксении. Лишь забота и поддержка Ричарда, сводного брата мужа, скрашивают ее дни. Кем станет для нее этот мужчина?

УДК 821.161.1.0